

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
"Кабы я была царица,-
Говорит одна девица, -
То на весь крещёный мир
Приготовила б я пир". -
"Кабы я была царица, -
Говорит её сестрица, -
То на весь бы мир одна
Наткала б я полотна". -
"Кабы я была царица, -
Третья молвила сестрица,-
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря".

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
"Здравствуй, красная девица, -
Говорит он, - будь царица

И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха".

Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была,
Царь Салтан, с женой простяся;
На добра коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем как он далёко
Бьётся долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребёнком,
Как орлица над орлёнком;
Шлёт с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести её хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слову:
"Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку.
А неведому зверюшку".

Как услышал царь,
Что донёс ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
"Ждать царёва возвращенья
Для законного решенья".

Допьяна гонца поят
Прочитали вслух указ
Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую -
И привёз гонец хмельной.
В тот же день приказ такой:
"Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод".

Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю -
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в окиян -
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе. звёзды блещут.
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идёт,
Бочка по морю плывёт.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьётся в ней царица
И растёт ребёнок там
Не по дням, а по часам.
День прошёл, царица вопит...
А дитя волну торопит:
"Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;

Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли -
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!"
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из, бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
"Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?" - молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зелёный над холмом.

Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой лёгкой заострил
И пошёл на край долины
У моря искать дичины.

Ты, царевич, мой спаситель, Мой могучий избавитель
К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо;
Смотрит - видит дело лихо:
Бьётся лебедь средь зыбей.
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела -
Коршун в море кровь пролил,

Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывёт,
Злого коршуна клюёт,
Гибель близкую торопит.
Бьёт крылом и в море топит -
И царевичу потом
Молвит русским языком:
"Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море:
Это горе - всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил,
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдёшь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись".

Лишь ступили за ограду, Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон
Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак. -
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грёзы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. "Толи будет? -
Говорит он, - вижу я:
Лебедь тешится моя".
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых

Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарёкся: князь Гвидон.

Корабельщики дивятся, На кораблике толпятся
Глядь - поверх текучих вод Лебедь белая плывёт
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
"Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Черно-бурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана..."
Князь им вымолвил тогда:
"Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон".
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь - поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
"Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?"

Опечалился чему?" -

Говорит она ему.

Князь печально отвечает:

"Грусть-тоска меня съедает,

Одолела молодца:

Видеть я б хотел отца".

Лебедь князю: "Вот в чём горе!

Ну, послушай: хочешь в море

Полететь за кораблём?

Будь же, князь, ты комаром".

И крылами замахала,

Воду с шумом расплескала

И обрызгала его

С головы до ног - всего.

Тут он в точку уменьшился,

Комаром оборотился,

Полетел и запищал,

Судно на море догнал,

Потихоньку опустился

На корабль - и в щель забился.

А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой Около царя сидят

Повариха говорит

И впился комар как раз Тётке прямо в правый глаз

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
"Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:

"Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо.
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единый;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон".
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: "Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
"Уж диковинка, ну право, -
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит: -
Город у моря стоит!

Знайте, вот что не безделка:

Ель в лесу, под елью белка,

Белка песенки поёт

И орешки всё грызёт,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра - чистый изумруд;

Вот что чудом-то зовут".

Чуду царь Салтан дивится,

А комар-то злится, злится -

И впился комар как раз

Тётке прямо в правый глаз.

Повариха побледнела,

Обмерла и окривела.

Слуги, сватья и сестра

С криком ловят комара.

"Распроклятая ты мошка!

Мы тебя!.." А он в окошко,

Да спокойно в свой удел

Через море полетел.

Видит, белочка при всех Золотой грызёт орех

Снова князь у моря ходит,

С синя моря глаз не сводит;

Глядь - поверх текучих вод

Лебедь белая плывёт.

"Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?" -

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

"Грусть-тоска меня съедает;

Чудо чудное завестъ

Мне б хотелось. Где-то есть

Ель в лесу, под елью белка;

Диво, право, не безделка -

Белка песенки поёт

Да орешки всё грызёт,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра - чистый изумруд;

Но, быть может, люди врут".

Князю лебедь отвечает:

"Свет о белке правду бает;

Это чудо знаю я;

Полно, князь, душа моя,

Не печалься; рада службу

Оказать тебе я в дружбу".

С ободрённою душой

Князь пошёл себе домой;
Лишь ступил на двор широкий -
Что ж? под ёлкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызёт орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладёт
И с присвисточкой поёт
При честном при всём народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
"Ну, спасибо, - молвил он. -
Ай да лебедь - дай ей боже,
Что и мне, веселье то же".
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счёт орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.

Гости князю поклонились, Вышли вон и в путь пустились
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовёт их в гости
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
"Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок -
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана..."
Говорит им князь тогда:
"Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон

Шлёт царю-де свой поклон".

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь - а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль - и в щель залез.

И приставлен дьяк приказный Строгий счёт орехам весть

Говорит царю ткачиха

Все кричат: "Лови, лови, Да дави её, дави..."

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна

Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
"Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит

С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живёт ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра - чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной -
И приставлен дьяк приказный
Строгий счёт орехам вести;
Отдаёт ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон".
Царь Салтан дивится чуду.

"Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
"Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,

Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!"
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят,
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тётке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
"Ай!" - и тут же окривела;
Все кричат: "Лови, лови,
Да дави её, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди..." А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Пушки с пристани палят, Кораблю пристать велят

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь - поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.

"Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?" -

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

"Грусть-тоска меня съедает -

Диво б дивное хотел

Перенести я в мой удел". -

"А какое ж это диво?" -

"Где-то вздуется бурливо

Окиян, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,

Расплеснётся в шумном беге

И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы молодые,

Великаны удалые,

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор".

Князю лебедь отвечает:

"Вот что, князь, тебя смущает?

Не тужи, душа моя,

Это чудо знаю я.

Эти витязи морские

Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай".

Князь пошёл, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идёт
И ко граду их ведёт.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
"Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно

Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли".
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
"Чем вы, гости, торг ведёте?
И куда теперь плывёте?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,

Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далёк,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана".
Говорит им князь тогда:
"Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлёт-де свой царю поклон".

Корабельщики в ответ: "Мы объехали весь свет"

Все красавцы молодые, Великаны удалые

Нос ужалил богатырь; На носу вскочил волдырь
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет, и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.

Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму - и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят -
Четырьмя все три глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
"Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идёт там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге -
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит

И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить -
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон".
Царь Салтан дивится чуду.
"Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу".
Повариха и ткачиха
Ни гугу - но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
"Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идёт молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,

Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво".
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится -
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей;
Он над ней жужжит, кружится -
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь;
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
"Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!.." А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел

Через море полетел.

Месяц под косой блестит, А во лбу звезда горит

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь - поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.

"Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?" -

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

"Грусть-тоска меня съедает:

Люди женятся; гляжу,

Не женат лишь я хожу". -

"А кого же на примете

Ты имеешь?" - "Да на свете,

Говорят, царевна есть,

Что не можно глаз отвести:

Днём свет божий затмевает,

Ночью землю освещает -

Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?" -
Князь со страхом ждёт ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
"Да, такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнёшь
Да за пояс не заткнёшь.
Услужу тебе советом -
Слушай: обо всём об этом
Пораздумай ты путём,
Не раскаяться б потом".
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всём
Передумал он путём;
Что готов душою страстной
За царвною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: "Зачем далёко?"

Знай, близка судьба твоя,
Ведь царица эта - я".
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилась в кусты,
Встременулась, отряхнулась
И царицей обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царицу обнимает.
К белой груди прижимает
И ведёт её скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
"Государыня родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови

Жить в совете и любви".

Над главою их покорной

Мать с иконой чудотворной

Слёзы льёт и говорит:

"Бог вас, дети, наградит".

Князь недолго собирался,

На царевне обвенчался;

Стали жить да поживать,

Да приплода поджидать.

Князь Гвидон зовёт их в гости

Ветер по морю гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах

Мимо острова крутого,

Мимо города большого;

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости.

Князь Гвидон зовёт их в гости;

Он их кормит и поит

И ответ держать велит:

"Чем вы, гости, торг ведёте

И куда теперь плывёте?"

Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет,
Торговали мы не даром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далёк:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана".
Князь им вымолвил тогда:
"Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да напомниме ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался -
Шлю ему я свой поклон".
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовёт их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своём венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят -
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
"Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:
"Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;

Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нём живёт ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра - чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там ещё другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя жёнка есть,

Что не можно глаз отвести:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блеснит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался".

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
"Что я? царь или дитя? -
Говорит он не шутя. -
Нынче ж еду!" -
Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Князь Гвидон тогда вскочил, Громогласно возопил

В город он повёл царя

Под окном Гвидон сидит,

Молча на море глядит:

Не шумит оно, не хлещет,

Лишь едва, едва трепещет,

И в лазоревой дали

Показались корабли:

По равнинам окияна

Едет флот царя Салтана.

Князь Гвидон тогда вскочил,

Громогласно возопил:

"Матушка моя родная!

Ты, княгиня молодая!

Посмотрите вы туда:

Едет батюшка сюда".

Флот уж к острову подходит,

Князь Гвидон трубу наводит:

Царь на палубе стоит

И в трубу на них глядит;

С ним ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Удивляются оне

Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идёт Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повёл царя,
Ничего не говоря.
Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под ёлкою высокой
Белка песенку поёт,
Золотой орех грызёт,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.

Гости дале - торопливо
Смотрят - что ж? княгиня - диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит - и узнаёт...
В нём разыграло ретивое!
"Что я вижу? что, такое?
Как!" - и дух в нём занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И весёлый пир пошёл.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всём они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трёх домой.
День прошёл - царя Салтана

Уложили спать вполпьяна.

Я там был, мёд, пиво пил -

И усы лишь обмочил